

Ольга Горицкая

Русский язык в Беларуси и других постсоветских странах: споры о терминах¹

В статье предпринимается попытка систематизировать русскоязычную терминологию, описывающую специфику русского языка в Беларуси и других постсоветских странах (выбор слов для обозначения идиома). Освещаются семантические и стилистические особенности терминов, а также социально-политические проблемы, связанные со словами (лингвистическая манифестация независимости страны, язык и нация и т.п.). В работе обосновывается, что русский язык относится к полицентрическим, и указывается на существование доминантной (российской) и недоминантных (в т.ч. белорусской) разновидностей русского языка, которые находятся в процессе становления и развития.

Ключевые слова: русский язык, полицентрический язык, национальный вариант языка, национальная разновидность языка, региональный вариант языка, региональная разновидность языка

Введение

Обсуждая специфику русского языка в различных странах, в т.ч. на постсоветском пространстве, лингвисты используют множество обозначений, причем иногда даже в одной и той же работе используются различные термины. Перечислим основные из них:

- *Русский язык / русская речь (в) Беларуси, Казахстане, Украине, Латвии* и т.п.;
- *Белорусский* и т.п. *русский (язык)*;
- *Белорусский* и т.п. *национальный/региональный вариант русского языка* (или же *разновидность*);
- *Белорусский* и т.п. *нациолект/этнолект/региолект/диалект русского языка*.

Кроме того, русский язык в конкретной стране противопоставляется русскому языку в России как *языку метрополии*.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (Г18М-062).

Иногда некоторые из слов в составной номинации берутся в кавычки, демонстрирующие неузуальный или спорный характер термина: «*белорусский*» *русский*, *белорусский* «вариант» *русского языка* и т.п.

Разнообразие терминов обусловлено переходным характером описываемого идиома² и сосуществованием в обществе различных лингвистических идеологий. Приведем в качестве примера словарную статью под названием «Национальные варианты русского языка» из (Словарь социолингвистических терминов 2006: 146): «Специфические разновидности русского литературного языка, возникшие в зонах активного контактирования русского и других языков, прежде всего на территории основных языков союзных республик СССР, занимающие, с точки зрения социолингвистики, промежуточное положение между национальными вариантами литературного языка и этнолектами. <...> Среди русистов и социолингвистов существовали разногласия в том, как оценивать такие региональные варианты русского языка. Большинство лингвистов склонялось к мнению, что Н.в.р.я.³ нельзя узаконить и считать равноправными, таким образом, преобладала негативная оценка “местных” разновидностей (“среднеазиатского”, “кавказского”, “прибалтийского” и др.) русского литературного языка, разрушающих его единство как средства межнационального общения, что потенциально могло вести к языковой дезинтеграции общества».

Употребляя такие термины, как *русский язык/русская речь (в) Беларуси*, *белорусский русский* и т.п., авторы, по сути, уходят от ответа на вопрос о природе данного идиома, поэтому данные терминологические сочетания вызывают меньше всего возражений. Однако глубокое исследование, касающееся особенностей функционирования русского языка в различных странах, невозможно без постановки вопроса: как стоит квалифицировать этот идиом? При этом очевидно, что попытка ответить на данный вопрос и назвать идиом национальным или региональным вариантом языка, этнолектом и т.п. ведет к постановке новых вопросов.

Конфликт понятий нередко оказывается обусловленным социально-политическими обстоятельствами. Рассмотрим в качестве примера высказывание белорусского языковеда В. Вечёрко: «Российские языковеды уже говорят про белорусский вариант русского языка, называют его национальным диалектом, нациолектом. А те, кто считают Беларусь регионом Русского мира, называют региональным диалектом или региолектом» (Вячорка 2016), см. также полемику в работах (Рудяков 2010; Степанов 2010; Теркулов 2012 и др.).

² В данной статье обозначение *идиом* используется как «общий термин для обозначения различных языковых образований – языка, диалекта, говора, лит. языка, его варианта и др. форм существования языка» (Виноградов 1990: 171). Данный термин часто используется для номинации языковых образований со спорным статусом (там же).

³ Национальные варианты русского языка.

Цель данной статьи – упорядочить терминологию, описывающую особенности русского языка в Беларуси и на фоне других постсоветских государств.

Материалом для исследования послужили русскоязычные научные публикации, описывающие русский язык в различных странах бывшего СССР. Ввиду ограничений на объем статьи мы приводим лишь ссылки на некоторые работы.

Вариант, разновидность языка или диалект?

Русский язык в Беларуси иногда называется белорусским вариантом русского языка – из свежих работ см. (Мечковская 2018), что помещает данный идиом в круг (национальных) вариантов типа американского английского (Швейцер 1971 и др.). Однако использование термина *вариант* при обозначении идиомов порождает некоторые стилистические и семантические проблемы. Это связано с тем, что вариантами могут называться как отдельные языковые единицы, так и идиомы. А поскольку в работах, посвященных специфике языка в той или иной стране, часто изучаются вариативные языковые факты, то неоднозначность терминов становится очевидной: исследователи анализируют фонетические, лексические или грамматические варианты в определенных вариантах языка. Подобной двусмысленности нет в английском языке, где для обозначения идиомов, как правило, используются термины типа *variety*, а для номинации языковых фактов – *variant* и др.

Иногда идиомы типа белорусского русского называются *национальными диалектами*, см., в частности (Лисковец 2018). Однако это обозначение вряд ли является удачным, поскольку сегодня термин *диалект* ассоциируется с традиционными территориальными (преимущественно сельскими) диалектами, корни которых уходят в глубокую древность, а особенности русского языка в Беларуси, Украине, странах Средней Азии и т.п. обусловлены контактами различных языков в более поздние эпохи. Кроме того, традиционные диалекты и идиомы типа белорусского русского различаются по сфере использования.

Слово *разновидность* реже встречается в научных работах, где рассматривается вариативность в языках, на которых говорят в разных странах. У него нет очевидной ассоциации с такими разработанными идиомами, как американский английский, поэтому обороты типа *белорусская разновидность русского языка* вызывают несколько меньше возражений у лингвистов, выступающих за единство норм русского языка. Некоторая размытость данного термина позволяет включать описываемый термином идиом в широкую сеть жанровых, стилистических и других разновидностей языка (Мустайоки 2013). В целом нам представляется целесообразным более широко употреблять слово *разновидность* в качестве аналога английского *variety*, в т.ч. для обозначения разновидностей русского языка в таких странах, как Беларусь или Казахстан.

Региональный или национальный?

Более острые дискуссии вызывают определения к словам *разновидность* или *вариант*, поскольку обозначения *национальный* и *региональный* связаны с множеством социально-политических проблем.

Региональный, региолект. Использование терминов *региональный вариант*, *региональная разновидность* или *региолект* вписывает разновидности русского языка в различных странах и частях России в общее языковое пространство: «Те языковые разновидности, которые функционируют на Украине, в Казахстане и т.д., могут быть определены сейчас только как региолекты единого русского национального языка» (Теркулов 2012); подобная точка зрения представлена также в (Степанов 2010). А такое лингвистическое единство начинает ассоциироваться со стремлением к политическому единству, что может вызывать возражения.

Вообще, слово *регион* редко обозначает конкретное государство и в целом имеет достаточно размытое значение, см., например, определение из словаря: «Обширный район, группа соседствующих стран или территорий, объединенных по нескольким общим признакам (географическим, экономическим, политическим)» (Большой толковый словарь 2000: 1110). Кроме того, лексема *регион* (как правило, в форме мн.ч.) и его производные используются в современных текстах для противопоставления столицы другим частям страны, что приводит к появлению у данной единицы таких же коннотаций, как у слова *провинция*.

Проиллюстрируем коннотации слова *региональный*. В одном из белорусских электронных СМИ вышла статья, где говорилось следующее: *Интернет-журнал о Минске CityDog.by стал победителем в номинации «Региональные тематические и развлекательные издания»* (CityDog.by 2017). Несколько примеров из комментариев к этой статье:

- *Минск уже считается российским регионом? Неплохо.*
- *Фуфуфу... провинциальные (читаем: региональные) ресурсы. Ни стыда, ни гордости...*

Аналогичная проблема возникает с обозначением русского языка в России как языка *метрополии*, так как слово *метрополия* имеет очевидную (пост)колониальную окраску. При этом показательно, что симметричное обозначение стран, противопоставленных метрополии, не фиксируется в текстах, поскольку колоний, как и империи, формально нет, но соответствующая картина мира в той или иной степени сохраняется.

Иногда в качестве синонимичных используются термины *региональный вариант* (*региональная разновидность*) *русского языка* и *региолект*. Последний термин обозначает городскую речь со следами влияния местных диалектов и просторечия, см. также (Словарь социолингвистических терминов 2006: 180). Вспомним известное высказывание А.С. Герда: «Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» (Герд 2005: 22). Но в Беларуси, Украине, Казахстане и других постсоветских странах наблюдаются контакты разных языков, а не только форм существования одного языка

(диалектов, просторечия, литературного языка), поэтому использование термина *региолект* по отношению к описываемым в нашей статье идиомам вряд ли можно считать удачным.

Национальный, этнический, нациолект, этнолект. Споры о терминах в лингвистических работах часто демонстрируют конфликт интерпретаций одного и того же понятия. Особенно много споров вызывает слово *нация*. Объем данной статьи и ее цель не делают возможным детально обсуждать это фундаментальное понятие. Отметим лишь, что попытка дать четкое определение *нации* вряд ли может быть успешной. Прочитаем А.И. Миллера: «Подчеркну еще раз – в этой книге не нужно искать ответа на вопросы “что такое нация?” или “какое определение нации верное?”. Автор убежден, что эти вопросы не имеют ответов именно потому, что это понятие играет столь важную, центральную роль, и всякий, кто пытается дать такое определение, вынужден занять политическую, то есть партийную, частную позицию. Можно сказать иначе: *это понятие потому и может играть столь значимую роль, что не поддается четкому определению, являясь “живым” и находящимся в постоянной динамике*» (Миллер 2016: 12).

Так, кто-то из лингвистов, пишущих о русском языке в различных странах, отождествляет нацию и этнос, см., например, (Теркулов 2012), а кто-то подразумевает под нацией политическую общность людей (Журавлева 2015 и др.). Эту неоднозначность можно было бы снять введением терминов с компонентом *этнический*, например, *этнолект*, однако и они используются для номинации различных идиомов: канадского французского, дагестанского русского, идиша, который рассматривается как этнолект немецкого языка, а также пиджинов, см. обсуждение в (Перехвальская 2008: 168–169). Когда речь идет о национальных разновидностях (или – в другой терминологии – вариантах) языка, то обычно имеется в виду как раз политическая общность, поскольку рассматриваются особенности использования языка жителями какого-либо государства. При этом этнический состав русскоязычных может различаться по странам. Например, в Беларуси большинство людей, говорящих по-русски (в абсолютных величинах), – это этнические белорусы (Перепись населения 2009), в то время как в некоторых других постсоветских странах русский язык может использоваться главным образом этническими русскими. А значит, употреблять термины типа *этноязык* применительно к разновидностям русского языка на всем постсоветском пространстве вряд ли целесообразно.

Слова *нация*, *национальный* и особенно *национализм* имеют множество коннотаций, вызванных сложной историей соответствующих понятий. Подчеркнем, что в Беларуси и в ряде других постсоветских стран использование слова *национальный* по отношению к русскому языку вызывает возражения, поскольку определение *национальный* традиционно используется применительно к языку титульной нации, выполняющему символическую и этноконсолидирующую функции (Мечковская 2003: 124), см. также анализ

взаимодействия различных языковых идеологий в белорусском обществе в (Goritskaya 2018a).

Отдельно стоит сказать о термине *нациолект*, который особенно часто используется применительно к белорусскому русскому. Данное обозначение появилось в советское время и обозначало некодифицированные разновидности русского языка в различных советских республиках, в частности в БССР (Михневич, Гируцкий 1982). Конструирование термина *нациолект* было вызвано желанием противопоставить некодифицированные разновидности русского языка в странах СССР кодифицированным разновидностям испанского, английского или немецкого языков. В целом для работ советского времени была характерна моноцентрическая ориентация (стремление следовать единым для всего СССР нормам): «Языковая политика в отношении БНРЯ⁴ (как и в отношении всех иных “нациолектов”) заключается в том, чтобы всеми организационными научными, методическими и иными средствами содействовать его сближению с русским литературным языком, в чем, по существу, и состоит задача достижения полного, гармонического, равноправного несмешанного (автономного, координативного) белорусско-русского двуязычия» (там же: 79). Впрочем, в современных работах наличие литературной нормы не всегда считается необходимым условием для выделения национального варианта языка, см., например, статью «Национальный вариант языка» из (Словарь социолингвистических терминов, с. 147).

А.А. Сомин остроумно назвал термин *нациолект* регионализмом (Сомин 2013). И действительно, это обозначение часто используется в работах белорусских авторов, а оттуда проникает в зарубежные публикации по белорусской проблематике (например, в работы Г. Хентшеля или К. Вухайзера). Слово *нациолект* имеет прозрачную внутреннюю форму и хорошо вписывается в существующую систему лингвистических терминов, поэтому его аналоги (*natiolect*) встречаются и в работах про разновидности других языков, используемых в нескольких странах, например, бельгийской разновидности нидерландского языка (G. Laureys и др.).

Однако, по нашему мнению, противопоставление терминов *национальный вариант (разновидность) языка* и *нациолект* сегодня вряд ли является необходимым. Кодификация – это в первую очередь символический акт, который свидетельствует о высокой степени осознанности языковых отличий, их значимости для идентичности, а также укорененности идеи о множественности норм, относящихся к разновидностям того или иного языка, в социуме. Кроме того, роль кодификации в современном обществе меняется ввиду тенденции к демократизации и использованию новых способов распространения информации (в первую очередь интернета). Так, в отличие от США, Австралии и других стран, в Беларуси лингвисты не занимаются кодификацией вариантов, специфичных для белорусской

⁴ Белорусского нациолекта русского языка.

разновидности русского языка. Однако это не мешает людям использовать некодифицированные единицы, к примеру, варианты *беларус* и *беларус(с)кий*, не только в неофициальном общении в интернете (социальных сетях, блогах, форумах), но и в СМИ, художественной литературе, рекламе. На страницах электронных СМИ ведутся дискуссии о функционировании некодифицированных вариантов, специфических для идиома, а также дается множество примеров использования ненормативных языковых единиц, и новые варианты начинают распространяться в речевой практике. Этот новый для русскоязычного коммуникативного пространства феномен может быть назван «народной» кодификацией (Goritskaia 2018b). Безусловно, такое поведение не характерно для всего населения Беларуси, потому что в целом в постсоветских странах сохраняется достаточно консервативное отношение к языковому стандарту, но ростки нового отношения к нормам, безусловно, нуждаются во внимании и теоретическом осмыслении.

На основании всего вышесказанного мы полагаем, что целесообразнее было бы использовать общий термин для языковых разновидностей, которые являются в большей и в меньшей степени разработанными, в частности, для кодифицированных и некодифицированных, поскольку это позволяет сопоставлять идиомы, находящиеся на разных этапах развития, и видеть общую картину функционирования разновидностей языков в динамике, см., в частности (Muhr 2012), о развитии разновидностей языков, используемых в нескольких государствах, как стадийном процессе.

Рассмотреть идиомы типа американского английского или белорусского русского в единой системе позволяет концепция полицентрических (*pluricentric*) языков (W. Stewart, H. Kloss, M. Clyne, R. Muhr и др.). Мы принимаем точку зрения, согласно которой к полицентрическим относятся языки, которые используются представителями различных (как минимум двух) наций в нескольких государствах (*Pluricentric languages* 1992; Muhr 2012 и др.). Разновидности полицентрических языков имеют ряд характеристик (чем больше условий соблюдается, тем более развитым считается идиом). Первой из этих характеристик является официально закрепленный статус языка в стране. Кроме того, разновидности могут различаться в структурном отношении, при этом дистанция между идиомами может быть большей или меньшей. Представители языкового коллектива могут принимать или не принимать полицентризм. В некоторых странах особенности конкретной разновидности языка изучаются в школе, а государство занимается развитием идиома.

Русский язык также можно отнести к полицентрическим. При этом разновидности русского языка в различных постсоветских странах имеют социолингвистическую (статус русского языка не является одинаковым на всем постсоветском пространстве (Pavlenko 2008; Мечковская 2011; del Gaudio 2013 и др.)) и структурную специфику, которая во многом обусловлена контактами русского и других языков, а также реализацией потенциалов,

заложенных в системе русского языка, в различных социокультурных условиях, см., к примеру, (Горицкая 2018) о русском языке в Беларуси.

Как отмечалось выше, русский язык кодифицируется только в России, и соответствующая разновидность является недоминантной. Белорусская разновидность русского языка относится к недоминантным: Беларусь ориентируется на российский языковой стандарт, там проживает меньше русскоязычных, чем в России, а структурные особенности, характерные для идиома, не в полной мере осознаются носителями.

Таким образом, оба определения к слову *разновидность* – и *национальный*, и *региональный* – не являются четко определенными, кроме того, они нагружены различными коннотациями. На наш взгляд, для обозначения разновидностей русского языка, используемых в суверенных странах, лучше использовать термин *национальный* – с учетом существующей в лингвистике традиции, а также политических обстоятельств (независимости государств). Необходимо также учитывать важность понятия *нация* для описания общественно-политической жизни: «За последние 30 лет в науках об обществе “нация” постепенно перестала выполнять функцию “объясняющего” понятия. Подобно тому, как это произошло с понятием “идентичность”, “нация” теперь воспринимается, прежде всего, как проблема, требующая объяснения. <...> Это, пожалуй, в интеллектуальном смысле самая продуктивная ситуация, когда понятие уже подвергнуто деконструкции и перестает играть роль своеобразной, якобы магической, а на самом деле – деформирующей и мутной призмы. Это, конечно, не значит, что в политической жизни понятие “нация” перестанет играть центральную роль. Нацию можно понимать как социальный оператор или как способ идентификации, как главную ценность, как миф, символ, ресурс легитимации, даже как “историческую общность”, но, как бы то ни было, позиция неучастия в дискуссии о том, что такое национальные интересы, какой должна быть нация и т.п., – это путь к политической маргинальности» (Миллер 2016: 130). А слово *региональный* можно оставить для обозначения особенностей разновидности языка в различных частях отдельно взятой страны.

Выводы

Выбор терминов в социолингвистических работах оказывается особенно сложным, поскольку язык связан с идеологией, идентичностью, властью и другими социально-политическими феноменами. Мы полагаем, что ключевые свойства удовлетворительного социолингвистического термина – это его максимальная нейтральность, универсальность и общепонятность, а также связь с теорией, позволяющей адекватно описывать исследуемое социолингвистическое явление и помещать его в мировой контекст (если таковой существует). Для рассмотрения русского языка в различных странах, на наш взгляд, подходит концепция полицентрических языков, которая позволяет сопоставлять идиомы, находящиеся на различных этапах обособления и развития.

Понятно, что обозначения типа *белорусская* или *казахстанская* (*национальная*) *разновидность русского языка* не являются идеальными. В частности, они могут вызывать возражения у лингвистов с моноцентрическими установками. Однако наличие в профессиональном сообществе и в социуме в целом дискуссий по актуальным вопросам является естественным.

В (пост)советской лингвистике достаточно распространена точка зрения, согласно которой ярлыки типа *национальная разновидность* или *национальный вариант* можно использовать только применительно к разработанным идиомам с набором устойчивых (и желательна кодифицированных) характеристик. Однако количество структурных различий и даже стабильность структурных черт не может считаться основным критерием для выделения отдельных разновидностей полицентрических языков. Лингвисты давно привыкли к тому, что граница между языком и диалектом является условной, и, на наш взгляд, необходимо применять этот недискретный подход, учитывающий влияние социальных факторов, к другим идиомам.

Думается, что сегодня специалистам, работающим в области дескриптивной лингвистики, следует продвигать нейтральный взгляд на языки и их разновидности, а также на вариативность в целом. При этом необходимо осознавать, что социолингвист не может быть абсолютно нейтральным. Единственный выход – постоянная рефлексия, в том числе и над используемыми понятиями.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка (2000). Кузнецов, С.А. / гл. ред. Санкт-Петербург: Норинт. 1536 с.
- Виноградов, В.А. (1990). Идиом. В: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ярцева, В.Н. / гл. ред. М.: Советская энциклопедия. С. 171.
- Вячорка, В. (2016). Чаму расейцы не разумеюць слова «ссабойка»: відэа. *Па-беларуску зь Вінцуком Вячорам*, 30 чэрвеня 2016. Даступны на 20.08.2018: <https://www.svaboda.org/a/27830780.html>
- Герд, А.С. (2005). *Введение в этнолингвистику*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета. 457 с.
- Гируцкий, А.А., Михневич, А.Е. (1982). О языковом и лингвистическом статусе «нациолекта». В: *Вариативность как свойство языковой системы: тезисы докладов*. Москва: Наука. Ч. 1. С. 77–79.
- Горицкая, О.С. (2018). Лексические особенности русского языка в Беларуси не связанные с влиянием белорусского языка. *Respectus Philologicus*, No. 34 (39). С. 48–60.
- Журавлева, Е.А. (2015). *Русский язык в Казахстане: варьирование и функционирование*. Астана: KazSersivePrint. 200 с.
- Лисковец, И.В. (2018). Русско-белорусское переключение кодов в г. Минске. *Коммуникативные исследования*. № 1 (15). С. 85–96.
- Мечковская, Н.Б. (2003). *Белорусский язык: социолингвистические очерки*. München. Verlag Otto Sagner. 163 с.

- Мечковская, Н.Б. (2011). Постсоветские языки в условиях государственного суверенитета и расцвета информационных технологий. *Вестник БДУ*, серия IV. № 2. С. 75–82.
- Мечковская, Н.Б. (2018). Белорусская «трасянка» как яблоко раздора и как оселок метода. *Русский язык в научном освещении*. № 1 (35). С. 226–250.
- Миллер, А.И. (2016). *Нация, или Могущество мифа*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 146 с.
- Мустайоки, А. (2013). Разновидности русского языка: анализ и классификация. *Вопросы языкознания*. № 5. С. 3–27.
- Перепись населения 2009 г.: Национальный состав населения Республики*. Т. 3. Минск: Информационно-Вычислительный центр Национального статистического комитета Республики Беларусь, 2011. 433 с.
- Перехвальская, Е.В. (2008). *Русские пиджины*. Санкт-Петербург: Алетейя. 363 с.
- Рудяков, А.Н. (2010). Георусистика и лингвистические механизмы формирования национальных вариантов языка. В: *Язык и общество в современной России и других странах: международная конференция (Москва, 21–24 июня 2010 г.): доклады и сообщения* Виноградов, В.А., Михальченко, В.Ю. / отв. ред. Москва. С. 56–58.
- Словарь социолингвистических терминов* (2006). Москва: Институт языкознания РАН. 312 с.
- Сомин, А.А. (2013). Русский язык в Республике Беларусь. В: *Русский язык зарубежья*. Санкт-Петербург: Златоуст. С. 171–201.
- Степанов, Е.Н. (2010). Национальные варианты русского языка или русские территориальные койне? *Мова*. № 16. С. 9–14.
- Теркулов, В.И. (2012). Региолект или национальный вариант: к постановке проблемы. *Филология и культура*. № 2 (28). С. 117–120. Доступен на 20.08.2018: <http://www.philology.ru/linguistics1/terkulov-12.htm/>
- CityDog.by (2017). Шикарно! CityDog.by стал победителем международной премии для интернет-медиа «Медиатор». *CityDog.by*, 30.04.2017. Доступен на 20.08.2018: <https://citydog.by/post/win-win/>
- Del Gaudio, S. (2013). Russian as a non-dominant variety in post-Soviet states: a comparison. In: *Exploring Linguistic Standards in Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages*. Muhr R. et al. / eds. Frankfurt am Main, etc.: Peter Lang Verlag. Pp. 343–363.
- Goritskaya, O. (2018a). Discussions about Belarusian Russian: linguistic units and cultural models. In: *The Explicit and the Implicit in Language and Speech*. Liashchova, L. / ed. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. Pp. 190–222.
- Goritskaya, O. (2018b). In search of identity: a corpus-based study of lexical variation in Belarusian Russian. In: *Pluricentric Languages and Non-Dominant Varieties Worldwide: New pluricentric languages – old problems*. Muhr, R., Meisnitzer, B. / eds. Wien u.a.: Peter Lang Verlag. Pp. 219–231.
- Muhr, R. (2012). Linguistic Dominance and Non-Dominance in Pluricentric Languages. A Typology. In: *Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages. Getting the Picture* Muhr, R. et al. / eds. In Memory of Prof. Michael Clyne. Wien u.a.: Peter Lang Verlag. Pp. 23–49.
- Pavlenko, A. (2008). Russian in post-Soviet countries. *Russian Linguistics*, 32. Pp. 59–80.
- Pluricentric Languages. Different Norms in Different Countries* (1992). Clyne, M.G. / ed. Berlin/New York: Mouton/de Gruyter. 481 p.

Krievu valoda Baltkrievijā un citās postpadomju valstīs: diskusija par terminiem

Rakstā sistematizēta krievu valodas terminoloģija, kas atklāj krievu valodas specifiku Baltkrievijā un citās postpadomju valstīs (vārdu izvēle idiomas apzīmējumam). Autore aplūko terminu semantiskās un stilistiskās īpatnības, kā arī sociāla un politiska rakstura problēmas, kas ir saistītas ar terminu lietojumu (valsts neatkarības lingvistiskā manifestācija, valoda un nācija u. c.). Krievu valoda ir policentriska, Baltkrievijā eksistē dominējoši (Krievijas) un nedominējoši (Baltkrievijas) krievu valodas paveidi, kas atrodas attīstības stadijā.

Russian in Belarus and Other Post-Soviet States: Debates on Terms

The paper attempts to systematize the terms denoting varieties of the Russian language in Belarus and other post-Soviet countries. The terminology from linguistic publications in Russian is analysed. The research focuses on semantic and stylistic features of the terms, as well as social and political issues associated with these words (linguistic manifestation of country's independence, links between language and nation, etc.). The paper claims that Russian is one of the pluricentric languages and contrasts the dominant (Russian) with non-dominant (including Belarusian) varieties of the Russian language that are developing now.